

Николаева Наталья Никитична

АЛГОРИТМ ДЕЙСТВИЙ ЭПИЧЕСКОЙ ГЕРОИНИ–БОГАТЫРКИ (НА МАТЕРИАЛЕ ГЕРОИЧЕСКОГО ЭПОСА БУРЯТ И ЯКУТОВ)

Статья посвящена характеристике образа и выявлению алгоритма действий эпической героини (девы-богатырки) в архаических эпосах бурят и якутов в контексте реализации основной эпической идеи, направленной на утверждение института брака в родовом обществе. Автор приходит к выводу, что героини якутского эпоса имеют более архаичное происхождение, а сюжетно-мотивные и персонажные параллели бурятских улигеров и якутских олонхо указывают скорее на типологическую близость эпосов, чем на генетическое родство этих народов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2012/7-2/39.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 7 (18): в 2-х ч. Ч. II. С. 151-154. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2012/7-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 82.131

Филологические науки

Статья посвящена характеристике образа и выявлению алгоритма действий эпической героини (девы-богатырки) в архаических эпосах бурят и якутов в контексте реализации основной эпической идеи, направленной на утверждение института брака в родовом обществе. Автор приходит к выводу, что героини якутского эпоса имеют более архаичное происхождение, а сюжетно-мотивные и персонажные параллели бурятских улигеров и якутских олонхо указывают скорее на типологическую близость эпосов, чем на генетическое родство этих народов.

Ключевые слова и фразы: героический эпос; буряты; якуты; улигер; олонхо; образ; герой; основная идея эпоса.

Наталья Никитична Николаева, к. филол. н.

Отдел литературоведения и фольклористики

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии

Сибирское отделение Российской академии наук

natanika80@mail.ru

АЛГОРИТМ ДЕЙСТВИЙ ЭПИЧЕСКОЙ ГЕРОИНИ–БОГАТЫРКИ (НА МАТЕРИАЛЕ ГЕРОИЧЕСКОГО ЭПОСА БУРЯТ И ЯКУТОВ)©

Работа подготовлена при поддержке интеграционного проекта СО РАН № 92.

Согласно современным исследованиям, якуты (саха) – один из самых многочисленных народов Сибири, сформировались как этнос примерно к XVI в. на территории бассейна среднего течения реки Лены и далее расселились по северо-востоку Сибири. Якутский язык относится к тюркской группе, при этом в его лексическом составе наблюдается значительный процент слов монгольского и тунгусо-маньчжурского происхождения. По сходству духовной и материальной культур, несомненному генетическому родству языков тюрко-монгольских народов Сибири и якутов можно предположить участие в их этногенезе общих прототюрко-монгольских предков, при этом у истоков его выявляются скифские и хуннские компоненты региональной культуры древних кочевников Южной Сибири и Центральной Азии [8]. Тюркоязычные племена и роды, имевшие смешанное тюрко-монгольское происхождение, переселялись на территорию Средней Лены в несколько этапов, и каждая отдельная миграционная волна характеризовалась процессом ассимиляции местного тунгусоязычного и палеоазиатского населения [Там же], что отразилось в существующих в фольклорном фонде якутов мифах, легендах и преданиях о первопредках Омогой Баае и Эллэй Боотуре, пришедших с юга (т.е. с территорией современной Южной Сибири, Предбайкалья или даже Прибайкалья) и обосновавшихся в долине Лены. Наиболее позднее проникновение групп монгольского происхождения хоро или хори, которых исследователи сближают с бурятским племенем хори, датируется в промежутке между XIV–XVI вв., свидетельством чему является цикл исторических преданий о борьбе Тыгына с хоринцами, ряд легенд генетического характера об Улуу Хоро, прибывшем на Лену позже Омогой Баая и Эллэя.

Ранние этапы формирования бурят как этноса относятся ко времени Тюркских каганатов. Начиная с этого времени и вплоть до XVII в. на территории вокруг Байкала, где обитали охотники и собиратели самодийского, тунгусского и енисейского происхождения, из степей Центральной Азии прибывали различные группы тюркоязычного и монголоязычного населения, вливаясь в общий «плавильный котел» этногенеза. К XVIII в. в Прибайкалье сложились две крупные субэтнические общности с единым этнонимом «бурят» (западнобурятская и восточнобурятская), которые в XIX в. образовали устойчивые этнотерриториальные группы (кудинские, идинские, тункинские, баргузинские буряты и т.д.) [13, с. 8-10].

Героические эпосы бурят и якутов относятся исследователями к архаическим, дофеодальным. В них можно найти фрагментарное отображение событий ранней истории, ранней системы представлений, мифологической, дородовой и родовой. Улигеры и олонхо, естественно, вобрали в себя наиболее значимые явления истории и культуры своих творцов, но эпос – не хроникальное изложение, не адекватное зеркало действительности, это художественное, поэтически переработанное, отшлифованное во временной протяженности отражение этих событий. В улигерах и олонхо можно обнаружить комплекс родовых (и даже дородовых) норм предписанного поведения, систему идей, имеющих наивысшее ценностное значение для общества, реализацию представлений об идеальных социальных отношениях и идеальном представителе социума, воплощающем их в жизнь. Эпический герой – это сложная комбинация двух компонентов: родового коллектива в целом и единичного члена рода. Он представляет собой сочетание наилучших качеств и черт народа, целиком и полностью слит с коллективом, но одновременно и выступает неким эталоном индивидуума, а его действия, модель поведения получают статус социальной нормы.

Одной из особенностей олонхо и улигеров является наличие в эпическом репертуаре якутов и бурят многочисленных сюжетов, в которых инициативными и центральными акантами наряду с мужчинами, и даже

замещая их, выступают женщины, девы-богатырки. Исследователи обычно сходятся во мнении, что эти персонажи являются отражением существовавшей в древности системы матриархального порядка и доминирования материнского рода, а сюжетные типы произведений с этими героинями относятся к наиболее ранним.

Если проанализировать в сравнительном плане бурятские улигеры и якутские олонхо, в которых ведущие или, по крайней мере, достаточно значимые роли играют девы-богатырки, то можно, отметив их несомненную близость, выявить заметные различия в семантико-функциональном изображении.

В подавляющем большинстве бурятских улигеров социально-семейное положение девы-богатырки определено совершенно прозрачно: она – сестра, младшая, подчиненная [1-3; 5; 7; 14; 16-18]. Эпический герой, по имени которого обычно названо произведение, выступает по отношению к ней старшим братом. В улигерах нередки зачины мифологического характера, в которых брат и сестра предстают первой парой людей, появившихся на Земле и не имеющих родителей. Статус богатыря всегда имеет мужчина/брат, описанию стада и табунов, дворца, богатства, силы и мощи которого посвящается иногда до нескольких сотен стихотворных строк. Богатырь объявляется повелителем и владыкой (ханом) земли и народа, он – культурный герой, строящий жилище, совершающий первые обряды, устанавливающий нормы социального порядка и обеспечивающий их соблюдение. Упоминание о будущей деве-богатырке в зачине чаще всего сводится к одной-двум строчкам, констатирующим, что у героя есть младшая сестра. Действие всегда начинается брат-богатырь, выезжающий из дома с целью найти невесту, поохотиться, сразиться с врагами (многоголовыми чудовищами-мангадхями, иноземными ханами и богатырями). Однако уже в начале повествования герой устраняется из сюжета, погибая от рук антагониста (демонического персонажа, чужого богатыря, коварного родственника). Смерть брата становится универсальным сюжетобразующим мотивом, с этого момента начинается «богатырская биография» сестры, разворачивается основное действие – ее поход за невестой-суженой брата, способной его воскресить. «Исключение героя из сюжета эпических произведений подобного типологического строя неизбежно и как бы запрограммировано» [14, с. 23]. Сюжетный тип таких улигеров можно определить как «сестра добывает погибшему брату суженую-воскресительницу», считающийся «изначальным, наиболее архаичным сюжетом в системе героико-эпического творчества бурят» [6, с. 25]. Развитие сюжета отмечено устойчивыми основными мотивами – «брат и сестра», «гибель героя», «сестра сильнее и хитрее брата», «поход сестры за девой-воскресительницей», «преодоление препятствий», «героическое сватовство», «оживление героя».

В улигерах брат и сестра принадлежат к одному роду, а также связаны общими производственными отношениями – брат охотится, добывает пищу, присматривает за скотом, сестра занимается ведением домашнего хозяйства. Кроме этого, взаимоотношения брата и сестры, очевидно, регулируются представлениями о семейно-родственных отношениях матриархального порядка, согласно которым сестры и братья от одной матери, но от разных отцов считались более близкими, чем сестры и братья от одного отца и разных матерей. В улигерах подразумевается, очевидно, что брат и сестра являются детьми одной матери, их отношения теряют матримонимальную подоплеку и становятся такими, какими мы привыкли считать родственные отношения. Бурятский эпос дает пример запрета брачных отношений членов одного хозяйственного коллектива, членов одного рода, членов одной семейной группы. Все деяния и подвиги главных героев бурятского эпоса направлены на сохранение и продолжение жизни рода, но внутрисемейный, внутриродовой брак исключается как недопустимый, поэтому сестра находит брату суженую из другого рода. Тем самым актуализируется идея, красной нитью проходящая через эпос – борьба за основание семьи, характерная для периода расцвета родового общества и установления института патрилокального экзогамного брака вместо прежнего эндогамного. И сестра в данном случае выступает своего рода установителем новых брачных норм. Однако идея брака, исходящая от эпической героини, в бурятском эпосе не объектна, а субъектна, в некотором роде опосредована, т.е. богатырка является не объектом брачных отношений, а инициатором, активным проводником идеи, но не пассивной фигурой, на которую направлена инициатива, при этом иницирует она не свое замужество, а всегда только женитьбу брата. О своем собственном браке богатырка не говорит никогда, лишь в некоторых текстах встречаются словесные выражения о том, что девушка предназначена для чужбины (т.е. для замужества).

В якутских олонхо исследовательница А. Н. Данилова, основываясь на функциональной характеристике образов, выявила три основных типа эпических героинь-богатырок: женщина-родоначальница, женщина-воительница и женщина-жена. При этом один образ богатырки может быть представлен в двух типах, т.к. она несет двойственную функцию: может выступать как родоначальница и как воительница, как воительница и как жена богатыря айыы [10]. Как и в бурятском эпосе, в олонхо сохраняется мифологический мотив пары перволюдей и культурных героев (появление на Средней земле брата и сестры, не имеющих родителей), и есть произведения сюжетного типа «сестра помогает брату», который условно можно сблизить с бурятским «сестра добывает погибшему брату суженую-воскресительницу». Однако олонхо с такими сюжетами крайне мало, кроме того, гораздо чаще богатырка либо одинока, либо имеет сестру, «пассивного двойника».

Н. В. Емельянов выделял несколько групп эпических сюжетов, в том числе о женщинах-богатырках – первых людях Среднего мира и женщинах – защитницах племени айыы аймага и ураангхай саха [12]. Анализ эпических сюжетов дает основание рассматривать следующие сюжетные линии: 1) богатырка и ее раб абаасы, который затем превращается в богатыря айыы, их женитьба; 2) богатырка в постоянных битвах с богатырями и чудовищами абаасы, которые хотят взять ее в жены. Эти основные линии обычно контаминируются с другими: поиски любимого коня богатырки, борьба с шаманками-абаасы, месть абаасы, помощь брату-богатырю или другим богатырям айыы, победа над главой Нижнего мира Арсан Дуолаем, освобождение похищенных девушек айыы и т.д. Нетрудно заметить, что мотив брака богатырки является одним из основных и лежит в основе почти всех конфликтных эпических ситуаций. И в целом в якутском эпосе так же, как и в бурятском, идея утверждения института дуального экзогамного брака является доминирующей.

Брачные отношения эпической героини с безупречным во всех отношениях партнером (т.е. не с чудовищем абаасы, а с богатырем айыы) представлены как кульминация сюжета, идеал и социальная норма. В сюжетах встречаются мотивы как желанного брака (богатырка просит у своих чудесных покровителей мужа), так и брака по принуждению (постоянные сражения со всеми потенциальными мужьями; единоборство и победа над ней богатыря-айыы; брат уговаривает выйти замуж). Кроме этого, встречается и идея брака как несовместимого с идеей богатырства, поскольку дева-богатырка должна оставаться девственницей. Замужество означает смену статуса и социального положения – если героиня в зачине сказания определяется как «мать сирот», «покровительница несчастных», «защитница племени айыы», «могучая и непобедимая», т.е. ее действия в целом имеют общеродовую и общеплеменную направленность, то после заключения брака богатырка чаще всего теряет самостоятельность, ориентированность ее интересов, скорее, можно определить как внутрисемейную.

В системе бурятского эпоса есть сюжеты, в которых основным является мотив сватовства к дева-богатырке нежеланного жениха (обычно демонического персонажа – чудовища-мангадхая), но их количества невелико (известно всего 4 текста). Героиня либо убивает мангадхая в поединке, либо избегает замужества при помощи чудесных помощников и далее вступает в брак с подходящим женихом. Сюжеты и персонажей этих улигеров можно в определенной мере сблизить с сюжетами и персонажами олонхо.

Можно констатировать, что в целом якутский эпический фонд сюжетов, в которых девы-богатырки выступают активными действующими персонажами, и типы эпических героинь заметно отличаются от бурятского эпоса.

Идея противопоставления брака и женского богатырства, недвусмысленно указывающая на ее происхождение в период смены материнского рода отцовским, позволяет сблизить якутских богатырок с русскими былинными поляницами [11], хакасскими воительницами [2; 11], «дикими» девами восточно-романского эпоса [7, с. 32-39, 50-56], богатырками эвенкийских, карачаевских, ингушских, кумынских, узбекских, башкирских, огузских легенд, сказок и эпоса, но не с бурятскими эпическими героинями.

Важное отличие бурятских богатырок от якутских состоит в том, что первые представлены осознающими свое богатырство, которое составляет суть и основу персонажа, в текстах встречается своего рода противопоставление богатырки и «простой якутской девушки» [12, с. 280]. Олонхо названы по именам богатырок, и, судя по текстам, женщина играет активную социальную роль, поскольку в подробностях описывается страна богатырки, ее рождение, ее атрибуты и вооружение, ее окружение. После замужества эпическая героиня с мужем нередко поселяется именно в своей стране и становится родоначальницей племени айыы.

Бурятские улигеры не названы по именам героинь, в названиях фигурируют имена богатырей-мужчин (братьев). Главным героем всегда выводится брат-богатырь, описываются его земли, владения, стада и табуны, его дворец, его подданные, т.е. представлен его жизненный уклад и мироустройство, завязанное на него. Героини действуют не от своего имени, а представляются именем брата (на всем протяжении сюжетного действия, посвященного походу сестры, улигер называет ее именем брата, «возвращая» ее собственное имя лишь в конце повествования), облачаются в его одежды и берут его оружие и снаряжение, выезжают верхом на его коне (исключение составляют лишь несколько текстов с сюжетом о сватовстве чудовищ-мангадхаев). Богатырка в этом контексте предстает своего рода вспомогательным персонажем, выполняющая функции помощника (которые в более поздних улигерах перейдут к чудесному коню героя). В эпосе, по сути, мы видим замену героя героиней в жизненно-опасной, но знаковой ситуации, выполнение «глобальной» сверхфункции (заключение патрилокального экзогамного брака) взаимоподменяющими друг друга персонажами (сестра и брат – представители одного родового коллектива, поэтому у них общие цели, достижение которых является важным для продолжения жизни рода).

Алгоритмы действий эпических героинь в бурятских улигерах и якутских олонхо, соответственно, различаются, несмотря на то, что в основе их лежит идея заключения брачных отношений с наиболее подходящим партнером (т.е. принадлежащим к другому родовому коллективу). Якутская богатырка – объект брачных притязаний, бурятская – инициатор и устроитель брака и при этом посредник между потенциальными женихом и невестой. Богатырские подвиги якутских богатырок – это, прежде всего, сражения с женихами-абаасы, женихами-богатырями айыы, шаманками-покровительницами абаасы, обитателями Нижнего (демонического) мира. Подвиги бурятских эпических героинь представляют преодоление дорожных препятствий (чудовища-мангадхай и женщины-мангадхайки, которые выезжают навстречу; природные преграды; зооморфные персонажи), свадебные состязания с другими женихами, выполнение трудных задач и испытание отцом невесты – в целом достигнутый результат предпринятых действий, т.е. заключение брака от имени брата, благополучный приезд с невестой в родные земли, оживление брата. Якутская богатырка – представитель социума, в котором, по всей видимости, идет борьба за институт парного брака, возможно, пока еще матрилокального, свобода женщины в выборе брачного партнера, с одной стороны, пока не ограничена, с другой – эпос ставит жесткие рамки необходимости в конечном счете сделать этот выбор. Бурятская богатырка, в свою очередь, принадлежит социуму, в котором материнский род во многом уступил отцовскому и утверждает свои позиции экзогамный патрилокальный брак.

Героико-эпические произведения с героинями-богатырками записаны у разных групп предбайкальских бурят, территориально соседствовавших с якутами. Тем не менее, в бурятских улигерах нет персонажей, имеющих очевидное якутское происхождение, заимствованных либо общеэпических, указывающих на тесные связи между этими народами.

В якутском эпосе, в архаичных сюжетах с героинями-богатырками нами также не найдено явных бурятских аналогий. Завязываемые брачные связи в бурятском эпосе не имеют этнической определенности,

в якутском же можно найти такого персонажа, как тунгусский (т.е. эвенкийский) жених-богатырь (шаман) Арджамаан Джарджамаан, чаще всего терпящий поражение, но иногда все же вступающий в брак с якутской девушкой, что свидетельствует о существовавших столкновениях якутских и эвенкийских родов и имеющихся у них родственных связей на основе браков.

Ядро бурятского эпоса могло начать складываться в период родового общества (о чем свидетельствуют данные эпоса и исследования ученых-эпосоведов), и здесь допустимо сделать предположение о наличии каких-то общих протобурятско-якутских параллелей, которые уже невозможно выявить на современном этапе, ввиду полистадиальности, многослойности, вариативности, неизбежной трансформации эпоса. Основной сюжетно-мотивный фонд и система персонажей получили оформление, по всей видимости, в период позднего Средневековья, когда в Прибайкалье шел активный процесс консолидации в единый этнос разрозненных монгольских племен, родов и объединений, приносивших с собой свои фольклорные произведения и окончательно сложивших улигерный репертуар. При этом якутский компонент (в виде вошедших в состав бурят родов или отдельных их представителей, близости проживания, неизбежных военных конфликтов и территориальных столкновений) совершенно не проявился, что может говорить о его малочисленности. Устойчивость сложившейся традиции, жесткость композиционной структуры произведений, константные эпические клише, изначальный сакральный характер сказывания определили, по всей вероятности, слабую проницаемость эпоса для проникновений извне.

На наш взгляд, сюжетно-мотивные и персонажные параллели бурятского и якутского эпосов имеют скорее типологическую близость, чем генетическое родство, обусловленное прохождением этими народами одних и тех же этапов в своем историческом, этнокультурном развитии.

Список литературы

1. Айдурай Мэргэн / подг. текста, пер. и примеч. М. П. Хомонова. Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во, 1979. 126 с.
2. Аламжи Мэргэн хүбүүн // Центр восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (ЦВРК ИМБТ СО РАН). Ф. 36. Оп. 1. Инв. № 258.
3. Алтан Сэгсээ хүбүүн // ЦВРК ИМБТ СО РАН. Общий фонд. Инв. № 1229.
4. Алтын Арыг. Хакасский героический эпос / запись и подгот. текста, статья, пер. и коммент. В. Е. Майногашевой. М.: Наука, 1988. 591 с.
5. Бойлон Гоохон дүүтэй Богдони Хүбшэ Мэргэн // ЦВРК ИМБТ СО РАН. Общий фонд. Инв. № 1731.
6. Бурчина Д. А. Гэсэриада западных бурят. Новосибирск: Наука, 1990. 449 с.
7. Гацак В. М. Восточнороманский героический эпос: исследования и тексты. М.: Наука, 1967. 470 с.
8. Гоголев А. И. История Якутии (обзор исторических событий до начала XX в.). Якутск: Изд-во Якутского гос. ун-та, 1999. 170 с.
9. Гунан зээрдэ моритой Гунхабай Мэргэн хүбүүн // ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 36. Оп. 1. Инв. № 242.
10. Данилова А. Н. Образ женщины-богатырки в якутском олонхо: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2008. 21 с.
11. Добрыня Никитич и Алеша Попович / изд. подг. Ю. И. Смирнов, В. Г. Смолицкий. М.: Наука, 1974. 448 с.
12. Емельянов Н. В. Сюжеты якутских олонхо. М.: Наука, 1980. 375 с.
13. Нанзатов Б. З., Николаева Д. А., Содномпилова М. М., Шагланова О. А. Пространство в традиционной культуре монгольских народов. М.: Вост. лит., 2008. 341 с.
14. Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Бурятский героический эпос «Аламжи Мэргэн» / вступит. ст., подг. текстов, пер. и коммент. М. И. Тулохонова. Новосибирск: Наука, 1991. 312 с.
15. Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Хакасский героический эпос «Ай Хуучин» / зап. и подг. текста, пер., вступ. ст., примеч. и коммент., прил. В. Е. Майногашевой. Новосибирск: Наука, 1997. 478 с.
16. Хан Сэгсээ Мэргэн // ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 36. Оп. 1. Инв. № 254.
17. Шонхойдой Мэргэн хүбүүн // Буху Хара хубун / зап. Ц. Ж. Жамцарано, подготовка к печати И. Н. Мадасона. Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во, 1972. С. 122-163.
18. Эржэн Мэргэн хүбүүн // ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 36. Оп. 1. Инв. № 233.

EPIC HEROINE'S ACTIONS ALGORITHM (BY MATERIAL OF HEROIC EPOS OF THE BURYATS AND YAKUTS)

Natal'ya Nikitichna Nikolaeva, Ph. D. in Philology
Department of Literary Criticism and Folklore Study
Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
Siberian Branch of Russian Academy of Sciences
natanika80@mail.ru

The author presents the characteristic of the image and the revelation of the algorithm of an epic heroine (maiden)'s actions in the ancient eposes of the Buryats and the Yakuts in the context of the realization of the main epic idea aimed at marriage institution strengthening in tribal society, and comes to the conclusion that the Yakut epos heroines have more archaic origin, and the plot-motive and personage parallels of the Buryat uligers and the Yakut olonkhos point at eposes typological proximity rather than at these peoples genetic relationship.

Key words and phrases: heroic epos; the Buryats; the Yakuts; uliger; olonkho; image; hero; main idea of epos.